

УДК 130.122:8

DOI: 10.17223/22220836/41/4

М.А. Корниенко

ШАРТРСКАЯ ШКОЛА В ЭПОХУ КУЛЬТУРНОГО РЕНЕССАНСА XII ВЕКА: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И ВЕКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ

Раскрыты предпосылки и основания формирования Шартрской теологико-философской школы, признанного интеллектуального центра Западной Европы XII в., достигшего расцвета в годы епископства Ива Шартрского. Раскрыта специфика культурного ренессанса, контекст которого обусловил концептуальное единство идей представителей Шартрской школы. Обозначена приоритетная для Шартрской школы философская ориентация (идеи неоплатонизма), проанализирован корпус идей, характерных для традиций неоплатонизма, учет этих идей существен в интерпретации специфики исследовательской программы Шартрской школы.

Ключевые слова: поздняя античность, ранняя схоластика, патристическая культура, культурный ренессанс, романский ренессанс, натурфилософия, теология, неоплатонизм, доктринальный синтез, реализм, номинализм, мистицизм, религиозная ортодоксальность.

Эпоха Средневековья вошла в историю цивилизации как уникальный феномен, сочетающий в себе элементы политического, экономического, интеллектуального варварства, характерные для Средневековья с VI по XI в., и интенсивное интеллектуальное и художественное развитие. Именно Средневековью обязаны своим появлением искусство готики и схоластическая философия, явление чрезвычайно значительное по своей сути и тому вкладу, который был осуществлен ею в культурное развитие Европы. В «Очерках истории философской мысли» А. Койре говорится о том, что европейское философское образование было осуществлено именно благодаря схоластам. Схоласты установили связь с античной философией, ими создана та терминологическая система, которая используется и в настоящее время. Кроме того, эпоха Средневековья сформировала отношение преемственности между схоластической философией и философией Нового времени: «Декарт и Мальбранш, Спиноза и Лейбниц нередко являлись продолжателями трудов своих средневековых предшественников» [1. С. 51]. Высочайшую оценку Средневековью дает в «Осени средневековья» Й. Хейзинга: «...во времена, слывшие некогда заостенелыми, мертвыми, новое повсюду уже пускало побеги, и все словно бы устремлялось к будущему совершенству» [2. С. 5].

В 990 г. в Шартре епископом Фульбером была основана теологико-философская школа, называемая во времена Фульбера «пристанищем ясной разумности» и достигшая расцвета в годы епископства Ива Шартрского (1090–1115). Сам термин «теология», содержательно означающий спекулятивное учение о Боге, активно употребляется начиная с первой половины XIII в. – в Парижском университете начинает работать факультет теологии (отметим, что синонимом теологии у Фомы Аквинского был термин «*doctrina sacra*» («священное писание»)). По своей значимости Шартрская школа была

сопоставима со школами Парижа, Тьерри, Бенэ, Бове, Конша, Компьена, Шампо, Лилля.

Философски Шартрская школа ориентирована на идеи неоплатонизма (Плотин, Порфирий, Прокл, Ямвлих). Эти идеи возникли в результате смешения идей Платона, аристотелизма, стоицизма, пифагореизма с восточной и христианской мистикой и религией. Неоплатонизму свойствен ряд тезисов, в том числе тезис о мистически-интуитивном познании высшего, о ступенях-стадиях, характерных для процесса перехода от «единого и всеобщего» к материи, идея постижения чистой духовности посредством экстаза или аскетизма. Традиция неоплатонизма латинского Запада формировалась как ответ на идеи трудов Августина и Боэция. Для нас важным является определить имена тех, кто способствовал неоплатонизму Шартрской школы, – ими были Калкидий и Макробий.

Образовательная программа Шартрской школы предусматривала преподавание медицины, математики, права, логики. В школе изучались латинские переводы античных произведений, а также литература по математике и естествознанию греческого и арабского происхождения.

Мы отмечаем выше роль епископа Фульбера в создании в 990 г. Шартрской школы. Обратим внимание на деталь, связанную с тем местом, где когда-то звучали голоса представлявших эту школу. Речь идет о католическом кафедральном соборе Шартра, известном как шедевр готической архитектуры. Собор в Шартре был основан в 1145 г. на пожертвования горожан, строительство завершилось в 1220 г.

В 1260 г. собор был освящен в присутствии короля Людовика IX и членов королевской семьи. Трехнефное здание в плане имеет форму латинского креста. В стрельчатой форме арок заключены особенность и характерный мотив готики – стремление человеческого духа к Богу.

На полу Шартрского собора изображен древний лабиринт, символизирующий путь к Богу. До сих пор он используется верующими для медитации. Шартрский собор насчитывает 9 стрельчатых входов-порталов, три из которых сохранились от сгоревшего ранее романского собора. Северный портал украшен скульптурами, исполненными на сюжеты Ветхого Завета. Центральная композиция Южного портала посвящена сценам Страшного Суда; Западный портал Христа и Девы Марии (Королевский портал) изображает Христа во Славе. Самая красивая внешняя часть собора – расчлененный на три яруса западный фасад: ярусы собора – стрельчатые двери-порталы; аркадная галерея, в нишах ее находятся статуи; наконец, ярус, занятый галереей, над серединой которой помещен фронтон.

Западный фронтон кафедрального собора украшен фигурами семи свободных искусств, входивших в тривиум и квадриум: это грамматика, диалектика, риторика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка.

Грамматика изображена вместе с Присцианом – величайшим грамматиком и комментатором античности. Сцена, изображенная на западном фронтоне собора, безусловно, свидетельствует прежде всего о роли грамматики в эпоху античности, однако не только об этом. Эта сцена беседы говорит о том, что дух преемственности эпох античности и французского ренессанса XII в. витал в Шартре, известном и признанном интеллектуальном центре Западной Европы, городе, в котором за полтора века до появления собора

(а каждый значительный город Средневековья должен был иметь собор) и возникла теологико-философская школа, школа средневековой схоластической философии, явившаяся цитаделью метафизического, космологического и естественнонаучного платонизма.

Это была эпоха ранней схоластики.

Временем расцвета и наивысшего авторитета программы Шартрской школы явился XII век, известный как эпоха совершающегося по Франции культурного ренессанса, основной чертой которого явился рост интереса к римской классике и греческой философии. Как отмечает Ч. Хаскинс в исследовании «Ренессанс двенадцатого столетия», «...ренессанс XII в. состоит отчасти в оживлении латинской классики и римских законов, почему движение называется иногда „романским ренессансом“, отчасти в быстром расширении области знания за счет введения науки и философии древних греков в Западную Европу» [3. Р. 141]. В.П. Гайденко и Г.А. Смирновым названы и иные составляющие культурного ренессанса XII в. – греческая наука вошла в западную культуру опосредованно, через культуру мусульманского мира [4]. Радикальные изменения коснулись и сферы образования, прежде всего религиозного образования. Приоритетные позиции занимает философское и теологическое образование, в то время как грамматика отходит на второй план; ведущей дисциплиной становится логика. Эти позиции философия и логика смогут сохранить до конца Средневековья. Во многом этой ситуации способствовал интенсивный рост числа переводческих центров – переводчики XII столетия делали доступными ученому сообществу Западной Европы огромное число греческих книг. Наиболее крупными переводческими центрами были центры Константинополя, Палермо, Толедо, при этом шедшие из Толедо переводы были выполнены не непосредственно с греческого языка, но с арабского. Уже в первой трети XII в. были переведены «Аналитика», «Топика», «Софистические опровержения» (*Sophistici Elenchi*), чуть позднее начали переводиться Диалоги Платона – «Федон» и «Менон» были первыми образцами переведенной литературы. Интересная деталь отмечена Б. Расселом в разделе, посвященном развитию схоластики в XII в. [5. С. 454], – большинство философов того времени, отмечает Б. Рассел, были французами, и Франция имела для церкви значение как противовес империи, и в целом ранняя схоластика в политическом отношении – это детище борьбы церкви за власть.

Характерным для схоластики в ее ранней версии было то, что она ориентирована на религиозную ортодоксальность; Аристотель отнесен к высшим авторитетам, одновременно с этим Платон утрачивает позиции того ранга, который обретает Аристотель; приоритет в методологии отдается диалектике и силлогистическому методу рассуждения. Наконец, вопрос об универсалиях, по-разному решаемый Платоном и Аристотелем, отнесен к важнейшим вопросам ранней схоластики, но связанная с универсалиями проблема не являлась для философии XII в. основной.

Среди школ, обеспечивавших высокий уровень философско-богословского образования, соборные школы Шартра и Сен-Викторского аббатства занимали особое место. В преподавании философии вектор интереса оказывался смещенным в сторону натурфилософии, что явилось результатом распространения идей Аристотеля и Платона. Элементы натурфилософии, в ко-

торых ощущалось влияние Аристотеля и Платона, были присущи сочинениям представлявших Шартрскую школу Бернара Шартрского, Гильберта Порретанского, брата Бернара Шартрского Тьерри Шартрского (первого автора комментариев к «Топикам» и «Софистическим опровержениям» Аристотеля). Культурный ренессанс XII в. создал условия для взлета христианской мысли. XII столетие – время расцвета латинской патристической культуры, наследия Западной Римской империи: «...глубокие штудии по проблеме универсалий, которые продолжались и широко развевывались в школах XII века, повсюду побудили логиков вторгнуться в область метафизики; в то время как в теологии авторитет Августина подготовил благоприятную почву для Платона и неоплатонизма, последний вывод Абельяра относительно универсалий, казалось, предвосхищал грядущий успех философии Аристотеля... в середине XII в. уже предощущался дух физики Аристотеля» [6. С. 255]. XII век не только обозначил основные черты доктринального синтеза XIII в., но и определил место и время свершения этого синтеза. Этим местом стал Париж, цитадель католической веры.

Возрождающееся западное христианство, начало которому было положено в X в., нуждалось в интеллектуальном фундаменте: остро стояла задача обучения духовенства, получение образования считалось непреложным условием принадлежности к клерикальным слоям. Ситуация осложнялась тем, что обет безбрачия для этих слоев был обязателен, и эта обязательность исключала возможность формирования духовного сословия по наследственному принципу. Решение задачи было реализовано через создание соборных школ, одной из которых и явилась возникшая тысячелетие тому назад Шартрская теологико-философская школа, признанный интеллектуальный центр Западной Европы.

Расцвет Шартрской школы связан с именем Бернара Шартрского, с 1114 г. магистра, а в период с 1119 по 1124/26 г. канцлера школы, неоплатоника и богослова, в полной мере владевшего магией преподавания. В.В. Биbihин в характеристике этого качества Бернара делает акцент на тезисе Бернара о благодати как источнике добродетелей, освящающем все, что связано с постижением наук и искусств. Приоритет в этом постижении отдан грамматике. Слово – семя знания, в нем открывается внутренний, переносный и поэтический смысл. В.В. Биbihин пишет о владении Бернара символической герменевтикой, с помощью которой интерпретировались латинские, греческие, арабские авторы: «Тимей» постигался как описание библейского сюжета, постижение платоновско-аристотелевской идеи интерпретировалось как божественное провидение. Обратим внимание на деталь, позволяющую прояснить статус тех, кто именовался в ту эпоху магистрами, – это были исследователи теологических проблем, их называли философами (в «Теологии» Абельяра пишет о них, используя термин *divini*, – магистры, занимающиеся обсуждением божественного).

Хотя Бернар известен как неоплатоник, охарактеризовать природу данного влияния достаточно трудно в силу отсутствия текстов, автором которых был Бернар. Воспользуемся той характеристикой, которую дают платонизму Бернара Иоанн Солсберийский и Э. Жильсон [6]. В «Металогиконе» Иоанн Солсберийский, англичанин, получивший образование в ряде соборных школ Франции и умерший епископом Шартра, писал о безусловном предпочтении,

отдаваемом Бернаром этике как совершенствованию в созерцательных практических добродетелях; источником интеллектуальных и нравственных добродетелей является благодать, сопровождающая знакомство с науками и искусством. Именно Иоанн Солсберийский пишет о Бернаре как о грамматисте – том, кто формировал нравственные качества, воспитывал совершенные вкус и стиль обучаемых посредством преподавания классических литературных источников. Уже в XIII в. влияние идей Бернара Шартрского привело к тому, что в преподавание грамматики внедрилась логика, хотя взаимопроникновение логики и грамматики заметно уже в «Категориях» Аристотеля: Аристотель пишет о суждении как обладающем категориальным каркасом. На это указывает Э. Жильсон, делая акцент на необходимости этой связи таким образом: «...значение имени, значение глагола, виды предложений и тому подобное открывали перед приверженцами грамматики широкие возможности пофилософствовать. И наоборот, поскольку преподаватель логики сталкивался в грамматике с целым рядом вопросов, допускающих двоякую трактовку, – грамматическую и логическую, – он не упускал случая поднять их в своем курсе и последовательно обсудить обе точки зрения» [6. С. 197].

Этот симбиоз логики и грамматики XII–XIII вв. привел к ряду существенных трансформаций. Уже в XIII в. следствием такой связи стал упадок классической культуры в среде соборных школ Франции, однако результатом этого слияния уже в XIV в. явилось возникновение философии грамматики, получившей впоследствии название «спекулятивной грамматики» (*grammatica speculativa*). Взяв в качестве основы философские понятия из Цицерона, Сенеки, Боэция, Бернар использовал их в среде грамматики. Одной из философских проблем, решением которой занимался Бернар, была проблема производных слов. Суть проблемы заключалась в определении того, что образует единство слов – исходного и производных, однокоренных. Эта проблема в разное время занимала Присциана, Боэция, Абеяра. Решение Бернара сводилось к тому, что исходное слово соотносится с производным подобно тому, как соотносится платоновская идея с ее участием в акциденциях. В «Металогиконе» Иоанн Солсберийский называет Бернара «самым совершенным платоником XII века», ссылаясь на сохраненные временем строки Бернара: «То, что есть, чему я приписываю бытие, не есть компонент, состоящий из двух частей и содержащий форму, захваченную материей; то, что есть, чему я приписываю бытие, заключено в какой-то из этих частей, одна из которых по-гречески называется „Idea“, а другая носит название „hyle“». Об эклектичном платонизме Бернара пишет в монографическом исследовании «Философия в средние века» и Э. Жильсон, подчеркивая, что платонизм Бернара сформирован на платформе нескольких источников – трудов Сенеки, Боэция, Халкидия [Там же. С. 198], что было характерно для произведений, написанных как в стенах Шартрской школы, так и за ее пределами, под влиянием программных идей обозначенной школы.

Гильберт Порретанский, сменивший Бернара Шартрского на посту канцлера соборной школы Шартра, известен как автор трактата «О шести началах» («*De sex principiiis*» – «Книга шести начал», «*Liber sex principiorum*»). Как и труды Аристотеля и Боэция, трактат Гильберта стал объектом многочисленных комментариев вплоть до XV в. «Книга шести начал» являет собой метафизическое истолкование «Категорий» Аристотеля. У Аристотеля речь

идет о десяти категориях, представляющих собой все возможные высказывания о предмете. В исследовании Гильберта выделено две группы категорий. Одна группа включает в себя субстанцию, количество, качество и отношение, в другую вошли категории (*sex principia*): место, время, положение, обладание, действие и страдание. Все категории определяются Гильбертом как форма согласно позиции реализма в споре номиналистов и реалистов, которой он придерживается: первая группа обозначена им как «внутренние формы» (*formae inherentes*), вторая группа – как «вспомогательные формы» (*formae assistentes*).

В комментариях Гильберта к сочинению Боэция «О Троице» представлены основные метафизические тезисы Гильберта, что впоследствии привело к идейным противоречиям с Бернаром Шартрским. Суть проблемы, ставшей предметом исследования в трактате Боэция «О Троице», может быть сформулирована следующим образом. Как может Троица (Отец, Сын и Дух Святой) быть единым целым, в то время как Бог-Отец отличен от Бога-Сына, а Бог-Отец и Бог-Сын отличны от Бога-Духа Святого? Если допустить различие трех лиц Троицы, это будет означать допущение трех различных друг от друга божеств, что вынуждает «разделить Троицу и низвести ее до множества». Если же, согласно католицизму, взять за основу единство Троицы, то остается неясным, как из этого единства возникает различие лиц, – поскольку, как пишет Боэций, «принципы их единства – отсутствие различия», различие же – основа множества [7].

В основе позиции Гильберта лежит различие между субстанцией и субсистенцией. Субстанция представляет собой индивида или носителя различного рода акциденций. Субсистенция – свойство, не нуждающееся в акциденциях для своего существования.

Сравнивая доктрину Гильберта и учение Бернара Шартрского, Э. Жильсон пишет о том, что позволило концепции Гильберта оказывать влияние и в дальнейшем: «...до XIII столетия и далее в западноевропейской мысли наблюдается тенденция сводить реальные существа к их умпостигаемым сущностям, которыми являются их формы, и мыслить их в этих абстрактных категориях» [6. С. 201].

Трудно переоценить тот авторитет, который имел Гильберт в научном сообществе, как и в сообществе своих учеников, вошедших в историю философии под названием «порретанцы», – это схоласты-реалисты Рауль Ардентский, Николай Амьентский, Иоанн Белет. Гильберт Порретанский – участник ожесточенного спора с Пьером Абеляром, известного под названием «спора об универсалиях», окончательного решения которого не предложено до сих пор; однако история сохранила схоластическое представление, раскрывающее позицию Гильберта: выделяемые логикой категории индивида, рода и вида могут быть отнесены не только к языку, но укоренены в реальности, а знание, формируемое посредством суждений, имеющих субъектно-предикатную структуру, является истинным в случае, если связь терминов в суждении воспроизводит соотношение частей, обозначаемых этими терминами (см: [4. С. 94]). Важным в решении обозначенного спора были вопросы о природе этого соотношения, об онтологическом представлении категорий индивида и свойства, рода и вида, субъекта и предиката, как и вопрос о соотношении субстанции и субсистенции: сущность, являющаяся причиной, ле-

жит в основании субстанции, субстанция – носитель акциденций, или случайных свойств; субстанция – базис для акциденций, именно субстанция содержит в себе ряд субсистенций – это родовая, видовая, акциденциальная субсистенции. Наконец, синтез формы и материи в субстанции – *forma nativa*, прирожденная форма, ее прообраз – божественные идеи.

В «математической» метафизике Тьерри (Теодориха) Шартрского, канцлера Шартрской школы с 1141 г., творение представлено как «развертывание чисел, составных единств, из безусловной простоты первоединства, оно придает цельность всякому числу, само, однако, числом непостижимо. Перед лицом этого первоединства с необходимостью возникает материя» [8]. Концепция Тьерри Шартрского является синтезом физики и Священного писания. Этот синтез проявляется в различных сферах: в онтологии (комментарии к Бозцию), натурфилософии («Трактат о шести днях творения»), логике (Тьерри первым комментировал «Первую аналитику» и «Софистические опровержения» Аристотеля). Работа Теодориха «Трактат о шести днях творения» представляет собой попытку объединить Книгу Бытия и принципы физики и метафизики – *secundum physicam et ad litteram* («в соответствии с физикой и буквально»).

Тьерри Шартрский предполагал решить проблему соотношения Библии и физики путем отождествления земли и неба с четырьмя элементами [9]. Эта идея представляет интерес для истории науки тем, что представлена человеком, не знакомым с физикой Аристотеля.

Таким образом, подход к построению космогонической теории был в значительной степени обоснован математикой, которая пронизывает всю концепцию Теодориха. Однако теологии для постижения Книги Бытия необходимо обратиться к наукам квадрима – арифметике, музыке, геометрии, астрономии, общим элементом и основой которых является число: «...Сфера творения есть сфера изменения, следовательно, творение – это область числа, тогда как Божественное – область единицы... Вещи существуют только посредством Бога, и в этом смысле Бог есть форма всего сущего... Поскольку Бог – это единица, то утверждение, что Бог есть форма существования (*forma essendi*) его созданий, равносильно утверждению, что их *forma essendi* есть единица: *unitas igitur singulis rebus forma essendi est* („единица, следовательно, есть форма существования единичных вещей“)» [6. С. 205–206]. Единица – начало бытия, и в то же время единица – степень истинности бытия. Единица через равенство порождает истину. Но первая и абсолютная единица – Бог, и совершенное равенство – тоже Бог. Эта логика привела к выводу Э. Жильсона о философах, понимающих смежность понятий равенства и истины: вещь истинна благодаря Божественной истине, множественные вещи существуют благодаря единичности Бога. С этой идеей связан онтологический принцип, сформулированный Теодорихом Шартрским: единое выше бытия, поскольку оно – причина бытия: *cum autem unitas omnium rerum primum et unicum esse sit* («поскольку единица есть первичное и уникальное бытие всех вещей») [Там же. С. 206].

Начиная с завершения деятельности Тьерри Шартрского на посту канцлера Шартрская школа постепенно утрачивает свои позиции, интерес к ней начинает угасать. Однако есть два имени, без упоминания которых оценка вклада Шартрской школы в развитие цивилизации была бы неполной, – это,

безусловно, Гильом из Конша и Иоанн Солсберийский; оба могут быть названы, скорее, в числе тех, кто примкнул к Шартрской школе, разделяя подчас ряд присущих ей идей, но не входил непосредственно в состав тех, кто определял ее исследовательскую программу.

Рожденный в Нормандии, ученик Бернара Шартрского Гильом из Конша отличался высочайшим уровнем грамматической культуры и в своих убеждениях демонстрировал близость к платонизму. Гильом являлся автором таких произведений, как энциклопедия «Философия мира» («*Philosophia mundi*») и «Философский Драгматикон» («*Dragmaticon Philosiphiae*»), произведения, написанное в форме диалога и посвященное проблеме природных субстанций, а также трактата «Нравственные учения философов» («*Moralium dogma philosophorum*»). Помимо этого, он является автором комментариев к диалогу Платона «Тимей» и комментариев к «Утешению философией» Боэция. Реальность познаваема человеческим духом, телесное – объект рассудка, бестелесное – объект ума. Порядок Вселенной порожден Мастером, его упорядочивающая мудрость создала природу. Только Богу мир обязан тем, что он существует [9].

У Гильома из Конша учился Иоанн Солсберийский, оставивший после себя произведения, сопоставимые по своему значению с произведениями эпохи Возрождения, – «Поликратику» и «Металогикон». Отметим вклад Иоанна Солсберийского в работу над проблемой универсалий. Существует несколько решений данной проблемы: универсалии могут быть обнаружены лишь в чувственно воспринимаемом и единичном; существует и точка зрения, заключенная в позиции – универсалии обладают отдельным существованием, таковы, к примеру, математические сущности.

Для сторонников еще одной позиции универсалии представляют лишь слова или имена. Существует и точка зрения, в соответствии с которой универсалии тождественны понятиям. Э. Жильсон следующим образом характеризует позицию самого Иоанна Солсберийского: мы не знаем характера бытия, как не знаем и того, каков способ существования универсалий.

Однако если мы и не знаем способа существования универсалий, возможно говорить о том, как формируется представление об универсалиях. Эта сторона проблемы универсалий оказывается разрешимой, если исследователь обратится к учению Аристотеля об абстрагировании. Иными словами, проблема способа существования универсалий обретет форму иной проблемы – чем универсалии являются в интеллекте: «Если мы рассмотрим сущностное подобие внешне различных индивидов, то получим вид, если затем мы рассмотрим сходства между различными видами, то получим род. Освобождая в нашем мышлении субстанции от форм и акциденций, посредством которых они различаются, мы достигнем универсалий» [6. С. 209].

В заключение обратимся к тезису о специфике проблемного поля философствования XII в., о том, какую нишу в совокупности исследовательских традиций XII в. занимали шартрцы. В подтверждение избранной позиции представляет интерес ряд аргументов С.С. Неретиной [10. С. 51–52]. Автор выделяет два направления: во-первых, направление, связанное с интенсивным обсуждением этических проблем на латинском Западе, временем начала которого считается конец XI в.; средой, питавшей это обсуждение, были монастыри и мирская жизнь. В монастырской среде этические проблемы утвер-

ждались, почвой для их утверждения являлись жизнь, отрешенная от мира, отвращение к греху, отрицание ценностей мирского бытия. Но уже в XII в., полагает автор, был сформирован светский интеллектуальный запрос на нравственную ориентированность в мире, и центральными проблемами схоластической философии стали проблемы греха, вины, поступка и их отношения к Богу, понимаемому как Высшее благо. Второе направление – направление, ориентированное на исследование веры в Бога как источник права и совершенного знания, – «...философия в ее тройственности (спекулятивная, практическая и моральная) представляла масштаб для определения силы и познавательной ценности любого «свободного искусства»» [10. С. 51]. Так возникли различающиеся традиции анализа.

Одна из них – традиция, представленная Ансельмом Кентерберийским (диалектика в пределах этой традиции была применена к постижению единого Бога посредством обращения к внутреннему опыту). Другая традиция представлена Абеяром и Ланской школой (человек в своем движении к Богу – Высшему благу – определен в этом движении собственной природой, собственной сущностью; Высшее благо изучается этикой, моральной философией).

Для нас важно определение специфики третьей традиции, именно ее представляет соборная школа Шартра. В совокупности дисциплин, определяющих спекулятивную философию, – математика, физика, теология, – математика являет собой синтез знания о мире и творце (это знание представлено физикой и теологией). Для Шартрской школы математика представлена рациональным, «дискурсивно-интуитивным» (термин С.С. Неретиной) знанием, раскрывающим внутреннюю структуру мира; в познании Бога потенциал математики огромен, – теология писалась «геометрическим способом» (*more geometrika* у Тьерри Шартрского); Бог – интеллигибельная сила, ее центр – везде, но нигде – ее окружность. Что касается позиции теологов Шартрской школы, она – в том, что «...изучению теологии должно предшествовать изучение физики, понимавшейся как дискурсивное исследование форм материи, затем математики, абстрагирующей формы от материи» [Там же]. В границах теологии Бог созерцается в статусе формы форм. Путь к постижению Бога как Высшего блага пролегал через предлагаемое ранее Платоном и Аристотелем, и эта направленность для теологизирующих философов Шартрской школы означала необходимость ответа на вопрос о сути понятия «субстанция».

Литература

1. *Койре А.* Очерки истории философской мысли. М. : URSS, 2003. 272 с.
2. *Хейзинга Й.* Осень Средневековья. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2016. 768 с.
3. *Haskins Ch.H.* The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge, 1927.
4. *Гайдено В.П., Смирнов Г.А.* Западноевропейская наука в средние века. М. : Ленанд, 2015. 352 с.
5. *Рассел Б.* История западной философии. М. : АСТ, 2018. 1024 с.
6. *Жильсон Э.* Философия в средние века. От истоков патристики до конца XIV века. М. : Республика, 2010. 678 с.
7. *Бозций.* Утешение Философией и другие трактаты. М. : URSS, 2010. 416 с.
8. *Бибихин В.В.* Язык философии. СПб. : Наука, 2007. 389 с.
9. *Шартрская школа:* Гильом Коншский. Философия ; Теодорих Шартрский. Трактат о шести днях творения ; Бернад Сильвестр. Космография, Астролог, Комментарий на первые

шесть книг «Энеиды»; Алан Лилльский. Плач Природы / подгот. О.С. Воскобойников; пер. О.С. Воскобойников, Р.Л. Шмараков, П.В. Соколов; [отв. ред. М.Ю. Реутин]. М.: Наука, 2019. 457 с.

10. *Неретина С.С.* Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. М.: Гнозис, 1994. 216 с.

Michael A. Kornienko, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: mkornienko1@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2021, 41, pp. 48–58.

DOI: 10.17223/2220836/41/4

CHARTRES SCHOOL IN THE 12TH CENTURY CULTURAL RENAISSANCE: SUBSTANTIVE PRIORITIES AND EVOLUTION VECTORS

Keywords: late antiquity; early scholasticism; patristic culture; cultural renaissance; roman renaissance; natural philosophy; theology; neoplatonism; doctrinal synthesis; realism; nominalism; mysticism; religious orthodoxy.

The author analyzes the prerequisites for the formation of a theological and philosophical school, founded in 990 by Bishop Fulbert in Chartres, which flourished during the years of the Episcopal ministry of Yves of Chartres (1090–1115), a recognized intellectual center of Western Europe. The role of the Chartres Cathedral School as a citadel of metaphysical, cosmological and natural-scientific Platonism in the era of early scholasticism is revealed. The philosophical orientation of the Chartres school (orientation to the ideas of Neoplatonism), as shown in the work, is the result of a combination of the ideas of Plato, aristotelism, stoicism, pythagoreanism, Eastern and Christian mysticism and religion. The body of ideas characteristic of the Neoplatonism tradition is analyzed, the account of which is essential in understanding the specifics of the Chartres school ideological platform: the ideas of a mystically intuitive knowledge of the higher, the stages of transition from “one and the universal” to matter, the idea of comprehension of pure spirituality.

The thesis is substantiated that the time of the highest prosperity of the Chartres school, its highest fame is the XII century, which went down in the history of civilization as the era of the cultural renaissance taking place in France. The specificity of the 12th century renaissance, as shown in the study, lies in the growing interest in Greek philosophy and Roman classics (this also determines the other name of the era – the Roman Renaissance), in expanding the field of knowledge through the assimilation of Western European science and the philosophy of the ancient Greeks.

The thesis in which the specifics of the entry of Greek science into the culture of Western Europe is also identified. This entry was carried out through the culture of the Muslim world, which also determined the specifics of the cultural renaissance of France of the XII century. Radical changes are revealed that affect the sphere of education and, above all, religious education; the idea of reaching the priority positions of philosophy and logic is substantiated – a situation that has survived until the end of the Middle Ages. This situation, as shown in the work, was facilitated by the rare growth rate of the translation centers of Constantinople, Palermo, Toledo.

It is shown that scholasticism in its early version is oriented towards religious orthodoxy. In the teaching of philosophy, the vector turned out to be biased towards natural philosophy, which was due, as shown in the work, to the spread of the ideas of Aristotle and Plato. In its educational program, the school synthesized the teachings of Plato and Aristotle. Elements of natural philosophy are inherent in the works of Bernard of Chartres, Gilbert of Poitiers, Thierry of Chartres representing the Chartres school. Deep studies on the problem of universals ensured the invasion of logic in the field of metaphysical constructions of the Chartres school.

References

1. Koyre, A. (2003) *Ocherki istorii filosofskoy mysli* [Essays on the History of Philosophical Thought]. Moscow: URSS.
2. Huizinga, J. (2016) *Osen' Srednevekov'ya* [The Autumn of the Middle Ages]. Translated by D.V. Silverstov. St. Petersburg: Ivan Limbakh.
3. Haskins, Ch.H. (1927) *The Renaissance of the Twelfth Century*. Cambridge: Harvard University Press.
4. Gaydenko, V.P. & Smirnov, G.A. (2015) *Zapadnoevropeyskaya nauka v srednie veka* [Western European Science in the Middle Ages]. Moscow: Lenand.

5. Russell, B. (2018) *Istoriya zapadnoy filosofii* [History of Western Philosophy]. Translated from English. Moscow: AST.
6. Gilson, E. (2010) *Filosofiya v srednie veka. Ot istokov patristiki do kontsa XIV veka* [Philosophy in the Middle Ages. From the origins of patristics to the end of the 14th century]. Translated from French. Moscow: Respublika.
7. Boethius. (2010) *Uteshenie Filosofiy i drugie traktaty* [Consolation by Philosophy and Other Treatises]. Moscow: URSS.
8. Bibikhin, V.V. (2007) *Yazyk filosofii* [The Language of Philosophy]. St. Petersburg: Nauka.
9. Reutin, M.Yu. (ed.) (2019) *Shartrskaya shkola: Gil'om Konshskiy. Filosofiya; Teodorikh Shartrskiy. Traktat o shesti dnyakh tvoreniya; Bernard Sil'vestr. Kosmografiya, Astrolog. Kommentariy na pervye shest' knig "Eneidy"; Alan Lill'skiy. Plach Prirody* [Chartres School: Guillaume Conch. Philosophy; Theodoric of Chartres. Treatise on the Six Days of Creation; Bernard Sylvester. Cosmography, Astrologer, Commentary on the first six books of the Aeneid; Alan Lille. Lament of Nature]. Translated from French by O.S. Voskoboynikov, R.L. Shmarakov, P.V. Sokolov. Moscow: Nauka.
10. Neretina, S.S. (1994) *Slovo i tekst v srednevekovoy kul'ture. Kontseptualizm Abelyara* [Word and Text in Medieval Culture. Abelard's Conceptualism]. Moscow: Gnozis.